

Содержание

<i>Участие в смысле.</i>	
<i>Предисловие Ольги Седаковой</i>	7
<i>732 слова для обозначения благодарности.</i>	
<i>Предисловие Филиппа Дзядко</i>	11
<i>Ловцы жемчужин. Предисловие Максима Калинина</i>	15

Глава 1

Любовь к ближнему, или	
Как ужиться с вредными соседями?	29

Глава 2

Чувство вины, или	
Как быть, если все время стыдно	
перед детьми, друзьями и самим собой?	47

Глава 3

Гнев, или	
Как перестать злиться по всякому поводу?	61

Глава 4

Природа зла, или	
Почему Бог допускает эпидемии,	
войны и прочие ужасы?	73

Глава 5

Выгорание, или	
Где найти силы и вдохновение?	93

Глава 6

Отношения, или	
Где грань между дружбой и влюбленностью?	113

Глава 7

Успех, или

Как понять, что делаешь

что-то важное и нужное?129

Глава 8

Критика, или

Что делать с бесполезными упреками

и полезными замечаниями?143

Глава 9

Репутация, или

Насколько важно, что о тебе думают другие?157

Глава 10

Страх, или

Как бороться с экзистенциальным ужасом,

гнетущей тревогой и драконом в своей келье? ...171

Глава 11

Радость, или

Что важнее всего?185

Примечания195

Словарь сирийских

мистических терминов, упомянутых в книге223

Именной указатель229

Участие в смысле.

Предисловие Ольги Седаковой

Я с опаской начала слушать подкаст «Отвечают сирийские мистики». Сообщить в непринужденных беседах об опыте такой жизни? Не говоря о ее хронологической и географической удаленности от всех наших вопросов — но об опыте жизни затворников и созерцателей, о школе совершенно особой сосредоточенности, о таком призвании к иному, ради которого человек готов оставить всё... Что в обиходе нашего современника может отозваться на это? Хочет ли он такого? И еще одна трудность: этот редкостный опыт заключен в древних письменных источниках, главные слова в которых так трудны, что требуют разгадки. А для этого необходимо не просто множество познаний особого рода, но глубокое участие в их смысле. И еще: необходима перемена самого отношения к слову. Приведу слова Максима Калинина, «ответчика» за сирийских мистиков, переводчика и толкователя этих необъятных слов: «воспринимая слова не как исчерпывающее и легкодоступное описание стоящей за ними реальности, а как дорожные знаки». И здесь мне хочется вспомнить размышление о природе языка, принадлежащее философу Владимиру Вениаминовичу Бибихину: оно удивительным образом обосновывает именно такое восприятие слова как первое. *«Древняя шумерская идеограмма слова, имени — стрелка.*

В указывании суть имени, имя чистое указывание... <...> Язык не там, куда он послал, а в самом движении посылая»¹. Можно ли надеяться, что слушатель согласится на такое восприятие слова? что он готов к нему? Или он ждет, что ему и это переведут в готовую и подручную «информацию»? Вот «информации» о сирийских мистиках я и боялась. Я боялась, что всё привычным способом будет переведено на «современный» язык, на котором круг поэтов Мецената будет называться «тусовкой» или «междусобойчиком».

И уже с первой беседы стало понятно: невероятный проект удался! И дальше я не могла оторваться от этих бесед, как великое множество слушателей подкаста. Быстро выяснилось, что древним затворникам есть что сказать человеку из современной обыденности! Больше того: на некоторые наши вопросы, видимо, нам никто, кроме них, и не ответит. Точнее: не ответит так, чтобы нас это удивило, увлекло и обрадовало — и открыло вид на нечто совершенно новое. Унылых тупиковых ответов мы слышали множество и сами себе их умеем давать. В унылый ответ, в заведомо невыполнимое предписание можно превратить даже заповедь о любви к ближнему (когда речь идет о тяжелых для нас людях). С этого вопроса: «Что же делать? Почему у меня не получается любить такого ближнего?» и начинается Филипп Дзядко. И ответ, который он получает от сирийцев — через Максима Калинина, — удивит любого, кто мучился от невыполнимости этого задания. «И не старайся! — так начинается этот ответ. — Это произойдет само, если...» Здесь я пересказывать кончаю. Прочитайте сами.

Филипп Дзядко задает мистикам вопросы о множестве важнейших вещей (о вине, о гневе, о страхе, о любви

и дружбе, об успехе и т. п.) не как вопросы отвлеченные, «философские», а в самом простом, обыденном повороте, в применении к собственному опыту. Из собственного опыта отвечает и Максим Калинин: отвечать прямыми цитатами сирийцев здесь было бы просто неуместно. Кроме другого, этот подкаст учит драгоценности посредничества.

Если попытаться уловить то, что практически стоит за всеми этими вопросами, я бы назвала это «что-то» так: «Можно ли освободиться от какого-то несчастья, в котором мы себя чувствуем запертыми? И как?» Ответы мистиков открывают неожиданную перспективу освобождения. Христианская весть звучит в них — со всей свежестью — как весть радостная, весть о свободе, как объявление (говоря библейскими словами) выхода, вывода пленников из тюремного мрака и тесноты на простор. Признаемся, что мы от этого отвыкли. Мы не верим, что такое возможно, просто потому, что мир таков, а мы — «всего лишь люди». Мы отвыкли от того, что возможен антропологический оптимизм. Мистики знали о человеке что-то другое.

В послефрейдовское время человек привык предполагать, что его подсознательная глубина заселена чудовищами и «комплексами», которые сознание вытеснило, но не победило. И они непременно скажут свое слово. Об этой темной глубине человека не умолкая говорит искусство XX века. Это одна сторона антропологического пессимизма, «научно-художественная».

Другая, духовная сторона: привычная практика покаяния учит нас неустанно различать внутри, в своей глубине, грехи и греховные помыслы и бороться с ними. К этому как будто и сводится духовная жизнь. Во всяком случае,

духовная педагогика. Мистики в своем экстремальном антропологическом опыте на себе самих узнали другое: в самой глубине человека, в «сердце его сердца», заключено лучшее, то, что способно говорить с Богом, то, что любит любить. Чья родина — радость.

Следуя Филиппу Дзядко и Максиму Калинину, которые постоянно намечают параллели между мистическим и художественным опытом, я хочу привести пример такой интуиции — вообще говоря, редчайшей у современных художников, — интуиции спасительной глубины в человеке, которой сам он может и не знать. Это слова Федерико Феллини, который (с большой неохотой) истолковывает собственный фильм «И корабль плывет», фильм-притчу о крушении цивилизации с его финальным образом: репортер событий плывет в спасательной лодке с носорогом и кажется очень довольным. Что это за носорог, спрашивают Феллини? Феллини отвечает: *«Это темная и подсознательная сторона себя самого»*. Ее нужно извлечь на свет (как носорога из трюма) — и помириться, даже подружиться с ней. Это чудище совсем не ужасно, как все привыкли думать. Оно дает молоко, и прекрасное молоко. В одном из своих интервью Феллини говорил: *«Единственное усилие избежать несчастья, не рухнуть в катастрофу следовало бы направить на обнаружение бессознательной, глубокой, здоровой части себя самих. <...> Но, как все объяснения, и это получается каким-то неуклюжим»*.

Ольга Александровна Седакова,
поэт, прозаик, переводчик, филолог и этнограф,
кандидат филологических наук

732 слова для обозначения благодарности. Предисловие Филиппа Дзядко

Мы начинали так: «Что здесь происходит? Мы встречаемся с Максимом, чтобы рассказать об удивительной культуре. О сирийских мистиках — христианских мудрецах, которые жили больше тысячи лет назад на Ближнем Востоке. Вы слышите слово “мистики” и представляете себе людей в фиолетовых капюшонах, завывающих под темными сводами? Вы слышите слово “сирийские” и вспоминаете военные новости последних лет? Нет, ни к мистике такого рода, ни к современной Сирии наши герои не имеют отношения. Почему они называются сирийскими, вы скоро узнаете.

Они жили в пустыне в VII–X веках нашей эры, где-то на территории современных Ирака, Ирана, Катар, Турции, среди скал, верблюдов и колючек, среди войн и катастроф. И оставили тексты, в которых сумели дать необыкновенно светлый ответ на окружающую действительность. Что-то такое они узнали о жизни, что и сегодня нам может пригодиться. Об этом мы разговариваем с Максимом. И обсуждаем, как эти мудрецы отвечали на вопросы, которые волнуют и нас. На всякий случай предупреждаю: этот разговор — об истории идей и об истории культуры. Мы не психологи и не коучи, мы ничего не советуем.

А вы будьте, пожалуйста, осторожны при использовании опыта сирийских мистиков в домашних условиях».

Да. Примерно этими словами мы начинали каждый эпизод подкаста «Отвечают сирийские мистики». Он выходил почти три года в приложении «Радио Arzamas». А теперь становится книгой.

И тогда, и сейчас я прекрасно понимал, как мне повезло встретиться с Максимом Калининым, видеться с ним каждые две недели во время наших записей, задавать вопросы, валять дурака, опаздывать к дедлайнам, спорить, разговаривать обо всем на свете, читать стихи Михаила Айзенберга и слушать песни Леонида Федорова. И поражаться красоте традиции, проводником в которую Максим стал для меня и для тысяч слушателей.

Однажды Максим рассказал историю о необычной школе. В V веке сирийский богослов по имени Нарсай написал текст о сотворении мира. В этом тексте он говорит о школе, в которой ангелы и люди учатся вместе. Учатся понимать природу «красоты и света», «причину гласа» и «силу смысла». Мне кажется, встреча с сирийскими мистиками может стать входом в ту школу. О чем говорят на тех уроках? Может быть, о том, что нет ни одного человека, который забыт. Что о нас всегда помнят. Кто помнит? Сами ангелы или кто-то постарше? Чему еще можно там научиться?

Быть внимательным. Удивляться и радоваться.

Отличать важное от неважного.

Не терзать себя, если не хватает сил, но стараться как можешь.

Уметь получать удовольствие от того, что делаешь.

Помогать.

Сопротивляться злу.

Доверяться тому, что больше тебя.

Быть способным увидеть трещину в привычной реальности.

Знать, что даже в самые темные времена, когда мрак и внутри, и снаружи, кто-то держит тебя за руку.

Много чего еще — такого, в чем прорывается какая-то весть, преодоление ужаса и катастрофы. И предложение.

Точно могу сказать, что в этой школе я двоечник. Но чем она еще хороша — нет ничего дурного, чтобы снова и снова оставаться в ней на второй год. Можно сказать, что появление этой книги — как раз и есть такой второй год.

И подкаст, и книга — только самое первое приближение к этой глубокой традиции. Ведь нет никаких иллюзий, что в быстрых беседах мы смогли бы понять опыт людей, годами занимавшихся невероятной духовной работой. Скорее это начало, шаг по направлению к этим людям и их опыту.

Могут ли разговоры, где многое сказано интонацией, а что-то — паузой, стать печатным текстом? Книга, которую вы держите в руках, — не расшифровка подкаста. Мы поменяли и расширили некоторые диалоги, уточнили детали и добавили аллюзии, которые возникали уже после живых разговоров. Но главное — теперь вы можете прочитать тексты самих сирийских мистиков и найти ссылки на издания этих текстов. И этот мир, немного утрачивая, может быть, свойственную подкасту легкость, становится сложнее и объемнее.

Это превращение стало возможно благодаря кропотливой работе Лизы Марантиди, продюсера подкаста, а теперь

и редактора книги: Лиза готовила ее с огромным вниманием и отличая важное от неважного. Спасибо! Спасибо нашему «однокласснику» и редактору подкаста Леше Пономареву за соавторство, за интонацию (в том числе музыкальную) и за самое разнообразное соучастие.

Спасибо тем, кто слушал нас. Тем, кто, когда мы встречались в разных городах, говорил: «Спасибо, мне помогли мистики, меня вы поддержали в трудную минуту». Спасибо всем, кто создавал этот разговор. Команде подкаста: редактору-первооткрывателю Диме Перевозчикову, расшифровщику Кириллу Гликману, фактчекеру Юлии Гизатуллиной. Главному редактору «Радио Arzamas» Мике Голубовскому. Всей редакции! Спасибо Софии Емец, Маргарите Семеновой, Тане Кулланде, Полине Ивановой, Дарье Гоголевой, Екатерине Царевой, Максиму Олитскому, Ольге Равданис, издательству «Альпина Пабlishер».

И спасибо тем, кто этот разговор будет читать — то есть создавать заново ту школу, в которой нет страха и есть радость. Кстати, у наших героев было одиннадцать (!) слов для обозначения радости.

И всегда, вопреки всевозможной тьме, всем *басимуфа*².

Ловцы жемчужин.

Предисловие Максима Калинина

На протяжении человеческой истории всегда были периоды, когда миллионы людей теряли опору и надежду. Мы хорошо помним события XX века, и многие из нас могут чувствовать себя потерянными прямо сейчас. Но немногие знают о том, что подобной эпохой для целых народов стал VII век. Империи, представлявшие вечными, оказались бессильными перед арабским нашествием. Византия стремительно теряла свои восточные территории, а ее недавний многовековой враг, Сасанидский Иран (или Вторая Персидская империя), хотя славился выдающимися воинами и сопротивлялся что было сил, в итоге тоже был захвачен арабами. Разрушение устоявшихся веками общественных отношений, стремительная смена власти, религии, языка на территориях, занимаемых халифатом³, лишали людей чувства опоры и заставляли поверить в то, что конец света близок.

Как найти смысл в мире, где твоя вера терпит поражение? Можно ли обрести любовь в обществе, где глаза у всех наполнены усталостью, а ум — тревогой? Как ни странно, именно тогда появились люди, которые не только утверждали, что в основе мира лежит любовь, но находили способы ее обрести в темные времена. Эти люди — сирийские мистики.

В контексте нашего разговора я исхожу из такого рабочего определения мистики: это опыт, в котором человек ощущает божественное присутствие. Мистик — человек, который жаждет этого опыта и готов рассказать о нем и о том, какое понимание Бога и мира ему в этом опыте открылось⁴.

Мистическое движение, о котором мы будем говорить, возникло на территории современных Ирака, Ирана, юго-восточной части Турции и Катара, и в восточном христианстве⁵ аналогов ему не было. Его представители подробно описали свой опыт познания Бога и человека. Сотни дошедших от них текстов — это дверь в мир, не уступающий по своему масштабу каббале, суфизму или дзену.

По-арамейски это движение называли *maḡpṭa* (*ta'ḡūrtā*), то есть «торговля». Этот термин можно сопоставить с древнееврейским словом «каббала» — «получение», «приобретение». Мы надеемся показать, что ответы, полученные людьми, жившими в полной темноте, без всякой надежды на просвет, остаются значимыми и сейчас, а любовь, добытая сирийскими мистиками среди пустынь и скал, до сих пор способна приносить плоды.

Альтернативная история, или Персидское христианство

Начнем по порядку. Перечисленные нами области — Ирак, Катар, Иран, юго-восточная часть Турции — были частью Сасанидского государства. Оно просуществовало с 224 по 651 год, пока окончательно не пало под натиском арабов. Почти все это время государство Сасанидов

было главным военным соперником Римской империи. Взаимодействие этих двух «сверхдержав» непосредственно отражалось на судьбе христианских сообществ, существовавших на их территориях.

Наверное, многие читатели имеют представление о римском или византийском христианстве, ведь в каком-то смысле вся европейская культура ему наследует. А вот словосочетание «персидское христианство» может звучать несколько экзотично. Между тем за ним скрывается явление, о масштабе которого можно судить хотя бы по такому примеру. В VIII веке католикос Тиматеос (780–823), патриарх персидской Церкви, писал⁶, что поставил митрополита в Туркестане (*Bēl Turkāyē*), а еще готовит митрополита в Тибет (*Bēl Turīāyē*) и нескольких епископов в Северную Месопотамию. Митрополит Тибетский! Сейчас это звучит как фраза из повести в жанре альтернативной истории, а для Тиматеоса это было частью его рабочей повседневности. Еще он просил епископа города Дамаска выяснить, что за еврейские рукописи были найдены в районе Иерихона. География одного этого письма охватывает расстояние более четырех тысяч километров с запада на восток и порядка полутора тысяч километров с юга на север. Все эти земли были включены в юрисдикцию Церкви Востока — одной из древних христианских церквей, которая, как считается, была основана еще во времена первого поколения христиан. На протяжении многих веков она развивалась обособленно и потому сохранила множество уникальных черт, восходящих к первым иудео-христианским общинам.

Христианство на этих территориях никогда не было государственной религией. Официальной религией Пер-

сидской империи был зороастризм. Зороастрийская власть крайне враждебно относилась к христианскому населению, и очевидных точек соприкосновения, которые позволили бы с ней договориться, у христиан не было. Скажем, с мусульманскими правителями можно было говорить как с монотеистами. Можно было попытаться развеять недоумения относительно того, как у Бога может быть сын и почему христиане обожествляют творение. Можно было даже поговорить о том, содержит ли Библия пророчества о Мухаммеде. С зороастрийцами таких общих тем не обнаруживалось, и восточносирийское предание о том, что Заратустра — это на самом деле пророк Варух, друг, ученик и помощник пророка Иеремии, предсказавший пришествие Христа, едва ли порадовало бы персидских чиновников и жрецов. Поэтому персидские христиане регулярно подвергались преследованиям. Считается, что тут сыграла свою роль и внешняя политика: Римская и Персидская империи находились во вражде, а начиная с Константина Великого римские императоры исповедовали христианство⁷, поэтому христианских подданных шаха воспринимали как потенциальных предателей.

Христиане Персии и в самом деле с сочувствием и надеждой смотрели на судьбу своих собратьев в Римской империи. Но со временем стало ясно, что активная поддержка государства превращает Церковь в инструмент управления обществом, поэтому уже в конце VII века месопотамский монах Йоханнан бар Пенкайе писал, что персидское христианство оказалось в лучших условиях, чем греко-римское. *«Силою Победоносного Царя [то есть Христа] мы были процветающими вопреки всем войнам, которые возбуждали против нас цари-тираны»*⁸, — говорил он,

имея в виду, что в условиях постоянного вызова Церковь Востока избегала застоя и соблазна стать частью государственной машины. При этом Йоханнан горько сетовал на то, что с приходом арабов в Персидскую империю его современники утратили дух любви и перестали быть истинными христианами. Однако именно тогда миссионеры стали двигаться дальше на Восток, в Китай и Среднюю Азию, а движение сирийских мистиков достигло своего расцвета.

Сурьяя, или Сирийский без границ

До сих пор мы говорили о персидских христианах, хотя книга посвящена сирийским мистикам. Давайте разберемся, как сирийское и персидское связаны между собой. Основным языком Персидской империи был пехлеви. Но у персидских христиан был еще особый язык для богослужения, переписки и литературы — один из диалектов арамейского, который было принято называть *сурьяя*. Это арамейское слово происходит от греческого *Syria*, то есть «Сирия», а греческое слово в конце концов восходит к аккадскому *Ашшур*, которым древние ассирийцы называли своего главного бога, город и страну. Сурьяя, то есть сирийский язык, использовался большей частью христиан, говоривших на тех или иных арамейских диалектах, — не только в Персидской империи, но и в Римской. Этот язык восходит к диалекту города Эдессы в Северной Месопотамии⁹. Эдесса была столицей небольшого государства Осроэна. Диалект этого города имел статус официального языка, на нем создавались литературные и философские произведения. Например,

эдесский философ рубежа II–III веков Бардайсан оказал значительное влияние на греческих мыслителей¹⁰. Такое положение Эдессы сделало ее культурной столицей, в том числе для арамеоязычных христиан, живших за пределами Осроэны.

Осроэна занимала нестабильное положение между римской и персидской сверхдержавами. В 244 году династия эдесских правителей прекратилась, а еще раньше, в 214 году, Осроэна была аннексирована Римской империей. Однако история сирийского языка и литературы тогда только начиналась. Сирийский язык не только использовался по обе стороны границы, но и передавался с невероятной аккуратностью, а человек, освоивший грамматику этого языка, мог читать и текст, записанный в VI веке на севере современной Сирии, и текст, переписанный в XVIII веке на юге современной Индии. Хочется сравнить это положение дел с использованием латыни в Средние века, но ситуация еще более удивительная: сирийское христианство с середины I тысячелетия было конфессионально неоднородным и не имело общего центра — ни административного, ни образовательного.

Сам термин *сурья* со своей безумной историей — хорошая иллюстрация тех обстоятельств, в которых сирийские язык и культура находились на протяжении веков. После аннексии Осроэны Римской империей сирийский никогда уже не был государственным языком, но использовался поверх государственных и церковных границ. Сирийская культура соприкасалась с греческой на Западе и с персидской на Востоке, а сирийские переводы греческих авторов стали посредниками, через которых эти тексты открылись арабскому миру.

Семена на складе, или Сирийский ренессанс

Итак, в среде персидского христианства, в лоне Церкви Востока, возникла совершенно особая субкультура сирийских мистиков.

Расцвет сирийского мистицизма — это VII–VIII века, но традиция эта продолжалась и дальше: мы можем проследить череду авторов, передававших знания от учителя к ученику или хотя бы имевших последователей, как минимум до начала XI века. А идеи мистиков активно использовались богословами Церкви Востока (и не только ими) вплоть до начала XIV века. Это была эпоха так называемого сирийского ренессанса, и ученое монашество пыталось обобщить опыт тысячелетней традиции, к которой оно принадлежало.

Сирийские мистики, как мы уже заметили, жили на стыке нескольких культур: христианства, зороастризма и ислама. Они были последовательными христианами, но само собой получалось так, что, ставя во главу угла свой духовный опыт, они меньше, чем принято, уделяли внимание традиции, правилам и церковному уставу. Точнее, эти правила они воспринимали как лестницу, по которой нужно взобраться на крышу, — такой образ использует Исаак Сирийский¹¹. Когда человек находится на крыше, ему не нужно пользоваться лестницей. И мистики неоднократно пишут об оставлении ими устава в том состоянии, когда они поднимаются выше уровня слов и образов.

Мистик VIII века Иосиф Хаззайя в одном из своих главных сочинений, «Послании о трех степенях монашеского жительства», дает подробное описание разных этапов

мистического опыта. В частности, он говорит о приближении к состоянию, которое мистики называли *шафйута* (*ṣaḥūṭā*) — «ясность», «просветленность». Речь идет о переживании человеком своего естественного состояния без каких-либо помех. О *шафйуте* мы еще скажем, а сейчас хотелось бы привести слова Иосифа Хаззайи, которые он обращает к монаху, почувствовавшему свое приближение к предельному сосредоточению:

...Закрой все двери кельи твоей. И войди внутрь, и сядь в темноте и тишине, так чтобы и пение птицы не было слышно тебе. И когда придет час службы, смотри не вставай ни за что, чтобы не был ты как дитя, меняющее бездумно талант золота на финик, чтобы на краткий миг усластить свою гортань. Но ты как мудрый купец, когда попадется тебе жемчужина драгоценная, не променяй ее на вещи малостоящие, что во всякое время окружают тебя, чтобы не был твой конец таков, как у того народа, который вышел из Египта и отверг пищу манны духовной и возжелал отвратительной пищи египтян¹².

Заметьте, это сказано не про житейскую суету, а про регулярные монашеские богослужения. Неудивительно, что подобные мысли вызвали напряжение у церковной иерархии. У нас есть сведения о нескольких конфликтах в истории восточносирийского мистического движения. Кульминацией одного из таких конфликтов стал собор 787 года, инициированный католиком Тиматеосом. Тогда трое мистиков — Иоанн Апамейский, Иоанн Дальятский, Иосиф Хаззайя — были преданы анафеме, то есть отлучены от Церкви. Анафема в то время была серьезной репрессией и для монаха, и для священнослужителя,

и для христианина, живущего в мире. Такой человек терял связи с общиной, а за ее пределами он тоже был чужаком. Он был обречен на отказ от своей идентичности (во времена Тиматеоса это значило принять ислам или примкнуть к другой христианской конфессии). Христианин мог проявить себя в торговле или ремесле, да и путь к административным должностям был для него открыт, хотя и весьма затруднителен, но без поддержки общины достичь успеха во всех этих областях становилось гораздо труднее. Если же речь шла о монахе, который добровольно ушел из мира, то он терял вообще все. Для творческих людей, какими были сирийские мистические авторы, анафема означала еще и забвение: их книги изымались из монастырских библиотек, переписывание и распространение их запрещались.

После осуждения мистиков Тиматеос правил еще 36 лет, так что у представителей сирийского мистического движения долго не было надежды на просвет. Впрочем, переписывание текстов мистиков не прекратилось, как не прервалась и сама традиция. От гор Хузистана до гор Северной Месопотамии люди, разделявшие идеалы *тагурты*, поддерживали связь между собой. Подобно тому как сама Церковь Востока выжила во враждебном окружении, сирийское мистическое движение выжило во время его фактического запрета. При этом оно было построено исключительно на горизонтальных связях (не считая отношений настоятелей и монахов, наставников и учеников).

Осужденных мистиков реабилитировал преемник Тиматеоса, католикос Ишо бар Нун, который занял патриарший престол в 823 году. В трактате «Об ангелах и звездах», дошедшем под его именем, прослеживается влияние

Иосифа Хаззайи (хотя, возможно, этот трактат принадлежит другому Ишо бар Нуну, монаху X века). Впоследствии влияние идей мистиков только росло. Их тексты быстро стали переписывать за пределами Церкви Востока: так, древнейшая известная нам православная рукопись, содержащая тексты мистиков Исаака Сирина и Иоанна Дальятского, датируется VIII–IX веками¹³. Эта рукопись была переписана в Палестине — в знаменитой лавре Саввы Освященного. В IX веке многие тексты Исаака Сирина перевели на греческий язык — так он стал известен в Византии, а затем и в Западной Европе. Тексты Иоанна Дальятского, Иосифа Хаззайи и Афнимарана¹⁴ читали и переписывали от Египта до Северной Месопотамии.

Несмотря на это, традиция сирийских мистиков оказалась почти полностью забытой. В XIV веке монгольское нашествие подорвало силы Церкви Востока. Горы Северной Месопотамии, те самые, что когда-то давали прибежище мистикам, стали ее единственным надежным оплотом. В XIX веке европейские путешественники рассказывали об ассирийском государстве, подотчетном османскому султану, но фактически не находившемся в его власти, с центром в селении Кудшанис (в горах Хаккяри). Но доступа к наследию Церкви Востока у европейских ученых почти не было, потому что она пережила еще одно потрясение — османский геноцид в Первую мировую войну. Западный мир открыл сирийские мистические тексты в XX веке, когда сама Церковь Востока находилась в режиме выживания и была не в силах вчитываться в собственное духовное наследие.

Открытие сирийской мистики в научной среде вызывает ассоциацию с распахнутым окном при запертых ставнях.

Становятся известны десятки новых текстов, но не хватает рук для их описания. Прозрения мистиков звучат на страницах научных работ как предмет изучения, как семена, хранящиеся на складе, — и ждут своей встречи с землей.

Апология авторов, или Откровения на коленке

Нередкая претензия к нашему подкасту, которая, конечно, полностью применима и к этой книге, — это легковесность, которую можно счесть совершенно неуместной при разговоре о таких серьезных вещах, как учение сирийских мистиков. Когда мы походя говорим о том, что монах провел несколько лет в пустыне, мы не можем на самом деле представить себе, что это означает, насколько это было сложно и до какой степени его реальность отличалась от той, к которой мы привыкли. Кто-то может сказать, что мы лишь вырываем из контекста те откровения, которые приходили этим людям, и пытаемся на коленке выкроить из них какие-то советы в духе селфхелп-литературы.

Но надо понимать, что речь идет о христианстве, которое было во многом альтернативным по отношению к христианству византийскому, и от него почти ничего не осталось. И мы стараемся донести знание об этих текстах, показать, чем они интересны. Если кому-то наша интонация покажется легкомысленной — это для того, чтобы было легче подступиться к теме. И наш подкаст, и эта книга — это введение, приглашение к важной и малоизвестной традиции. А мы с Филиппом Дзядко — как два охранника из талмудической притчи: один слепой, другой безногий,

но один другого может подсадить на плечи и кое-что все-таки сделать, чтобы пронести эту традицию дальше.

Движение мистиков охватывало сотни людей. До нас дошли сочинения примерно десятка ярких авторов. Это Афнимаран, Дадишо Катарский, Шем'он д-Тайбуте (Симеон Благодатный), Иоанн Дальятский, Иосиф Хаззайа, мар Шамли, Бехишо Камульский, Брихишо, Иосиф Буснайя; отдельно мы говорим об Исхаке д-Нинве, или Исааке Ниневийском, в России известном как Исаак Сирийский.

Грамматика познания, или Рискованный эксперимент

Как нам сегодня могут помочь сирийские мистики — люди, которые жили полторы тысячи лет назад в длительной самоизоляции, в пустыне, постоянно ожидая конца света? Что они знают о спорах в фейсбуке, выгорании на работе, воспитании детей, соседях, делающих ремонт четвертый год подряд? Казалось бы, ничего. Но я верю, что их опыт может быть по-настоящему полезен для нас и сегодня.

Внимание мистиков было, конечно, сосредоточено на общении с Богом, но ключевым предметом их изучения был сам человек, устройство человеческого сознания. Для чистоты эксперимента, для того чтобы остаться с собственной душой наедине, они уходили в полную изоляцию. Сирийский мистик VII века Дадишо Катарский написал руководство для монахов, которые только начинают практиковать уединение, запираются в келье за пределами монастыря на семь недель. И в этом руководстве он говорит прямо: одна из целей затворнической жизни — познание человеком самого себя¹⁵.

Размышляя об «эксперименте» мистиков, я вспоминаю такую аналогию. Когда я работаю над переводами сирийских текстов, я постоянно пользуюсь базовым словарем классического сирийского языка, который составил человек по имени Роберт Пейн Смит. Он потратил на него значительную часть своей жизни, а его дочь потом завершила эту работу. Я с трепетом думаю о том, что сам не решился бы потратить столько времени на справочный текст, но без него заниматься тем, чему я посвятил свою жизнь, решительно невозможно. Мне остается принять усилие Пейна Смита и с благодарностью думать об этом человеке, понимая, что и мое усилие — ответ на его труд.

Примерно то же я чувствую, читая тексты сирийских мистиков. Они презрели сомнения, решились на крайне рискованный эксперимент, посвятили ему жизнь и на его основе создали философско-антропологическую систему, которой я теперь могу пользоваться, живя в совершенно иных обстоятельствах. Ведь при всем, мягко говоря, своеобразии опыта мистиков их выводы — не про жизнь в монастыре и пустыне, а про человеческую природу как таковую. И этот опыт мы теперь можем использовать почти как справочник — не забывая, правда, о том, что не все, о чем писали древние сирийцы, стоит повторять в домашних условиях.

P. S. Пусть будет басимуфа

Поскольку многие тексты сирийских мистиков еще только ждут своего перевода на русский язык, мы находим важным сделать такое предуведомление.

Ссылаясь на сочинения сирийских мистиков, доступные в русском переводе, мы указываем в сноске соответствующий перевод. Если то или иное сочинение не переведено на русский, мы ссылаемся на сирийский текст — либо по существующим изданиям, либо по рукописям. Часто при таких отсылках мы помещаем переводы соответствующих сирийских фраз — либо мои (в этом случае авторство перевода не указывается), либо моих коллег (фразу «текст цитируется по еще не опубликованному переводу» вы не раз встретите в книге). Поэтому предлагаем вам почаще заглядывать в сноски!

Для каждого сирийского термина мы приводим его научную транскрипцию, а заодно и ее упрощенный вариант в русской транскрипции. К передаче арамейских звуков, не имеющих соответствия в русском языке, мы подошли творчески. Например, звук t, который произносится как английское межзубное *th*, многие слушатели нашего подкаста распознавали как «ф» (например, в слове *басимуфа*). Немного поспорив, мы решили там, где хватило смелости, передать его именно так.

На примеры сирийской графики можно посмотреть в словарики в конце нашей книги.

Глава 1

Любовь к ближнему, или Как ужиться с вредными соседями?

Максим Калинин (далее: Максим): Я очень рад встретиться с вами — теперь на страницах книги. Все вводные слова оставим в предисловиях, надеюсь, их кто-нибудь читает.

Филипп Дзядко (далее: Филипп): И я тоже рад! Раз мы уже знаем, что сирийские мистики относятся к христианской традиции, то мне бы хотелось начать с главной заповеди Христа — *«возлюби ближнего твоего, как самого себя»*¹⁶. Максим, у вас есть соседи?

Максим: Ну конечно, я живу в многоквартирном доме.

Филипп: И какие у вас с ними отношения?

Максим: Соседи снизу обычно недовольны шумом, который издают мои дети, остальные вроде не жалуются. А у вас как?

Филипп: А у меня ровно наоборот.

Максим: Что, жалуются соседи сверху?

Ф и л и п п: Нет, наоборот — это мне на них хочется пожаловаться. Они бесконечно делают ремонт: постоянный шум, пыль, стук. И еще они запредельные хамы. Я не могу сказать, что я их ненавижу, но к этим людям я испытываю сильные негативные чувства, а хотел бы не испытывать ничего. А если следовать Евангелию, хорошо бы их вообще полюбить. Но я совсем не могу заставить себя это сделать. Что бы на это ответили сирийские мистики?

М а к с и м: Я, может быть, вас разочарую, но сирийские мистики отвечают, что вы можете не любить своего ближнего.

Ф и л и п п: Как это возможно внутри христианства? Они что, Нагорную проповедь не читали?

М а к с и м: Конечно, читали. Более того, они решили буквально актуализировать ее в своем опыте. О том, в чем эта актуализация заключалась, мы еще поговорим. Сейчас я хочу сосредоточиться именно на опыте. Описывая его, мистики говорят: любовь к ближнему возможна только тогда, когда ты можешь посмотреть на него глазами Бога. Для этого нужно добраться в самом себе до того божественного света, который есть в глубине каждого. Но, находясь в бытовой данности, человеку трудно это осуществить. Помните, как у Достоевского Иван Карамазов говорит, что любить другого человека искренне невозможно, можно только переступить через себя и любить *«из-за натащенной на себя эпитимии»*¹⁷.

Ф и л и п п: Но как же тогда быть с Нагорной проповедью?

М а к с и м: Нагорная проповедь призывает к определенному действию: возлюби. А что значит «возлюби»?

Почему побудительная форма? У Исаака Сирина есть теория о добродетели воли и добродетели духа. Первая связана с усилением человека: ты делаешь себе установку и следуешь ей. Вторая охватывает человека, как может охватить, например, вдохновение. Ты чувствуешь мощный порыв внутри себя и не нуждаешься в том, чтобы себя принуждать. Так вот, Исаак Сирин говорит, что искренняя любовь — это добродетель духа. Ты не вымучаешь ее. Она рождается в состоянии, когда человек чувствует Бога настолько близким, что сам начинает смотреть на мир его глазами. Это не значит, что установка не нужна. Вдохновению сопутствует работа. И сирийские мистики говорят: простой мысли о том, что у другого человека такие же плоть и кровь, как у тебя, достаточно, чтобы не причинять другому зла и не проливать крови. Но чтобы любить людей от всего сердца, нужно смотреть на них глазами Бога. То есть это не про долженствование — люби, потому что это утверждает общество, или потому что тебя мама так учила, или потому что батюшка в церкви сказал. Мистики говорят: так не получится. Ты как комната с грязными стеклами: пока ты окно не помоешь, свет не проникнет в твою комнату. И не надо создавать искусственное освещение, надо просто помыть окно — тогда любовь к ближнему возникнет сама собой. Как в мультике «Рыбка Поньо на утесе»: там есть колодец — если его открыть, то все захлестнет вода океана. Мы с моими детьми очень любим этот мультфильм.

Ф и л и п п: Получается, первый шаг — это сказать себе: ты вообще-то ничего не должен, кроме того, чтобы признать, что ты еще далеко не совершенен.

Максим: Да.

Филипп: И, видимо, дальше есть некоторое количество шагов на этом пути, прохождение разных испытаний? Как в истории о Кунг-фу Панде или в фильмах с Брюсом Ли?

Максим: Да, у мистиков была целая теория о пяти ступенях. По-другому они называются созерцаниями. Не уверен, что стоит сейчас говорить о каждой, но о начальном этапе я расскажу. Первая ступень — это выключение бесконечного потока мыслей и сосредоточение внимания на явлениях этого мира. У меня был такой случай: я гуляю с коляской, прекрасная погода, солнце светит. И вдруг мне вспоминается какой-то человек, который мне насолил. Я начинаю про себя с ним спорить и вдруг понимаю, что раздражен.

Филипп: Да, такое бывает, это ужасно бесит!

Максим: Вот и мне это испортило настроение. И тогда я задумался. Вот мой сын, вот солнце, вот лягушки квакают в Яузе, на набережной стекляшки валяются. Эти стекляшки реальные, а вот мусор в моей голове — он только в моей голове, у него нет реальности, по крайней мере материальной.

Филипп: Это то, что говорят сирийские мистики?

Максим: Ну, мне потом сказали, что это называется заземление, но я был темный человек, ничего этого не знал. Меня в школе учительница математики ругала, что я прихожу к решению задачи через двадцать шагов, когда можно через три. И вот здесь я тоже через сирийские рукописи пришел к тому, к чему, в принципе, можно было бы прийти через современную психологию. Но мы не психологи

и не коучи, поэтому — да, это говорят сирийские мистики. Марина Цветаева в письмах тоже говорит о чем-то таком: *«Каждая вещь в свой час должна просить, это тот час, когда на нее глядят настоящие глаза»*¹⁸.

Ф и л и п п: Я бы ответил стихами Введенского:

Мне жалко что я не зверь,
бегающий по синей дорожке,
говорящий себе поверь,
а другому себе подожди немножко,
мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев¹⁹.

М а к с и м: Да, эти слова говорят о похожем опыте. Осмотришь, увидишь то, что находится вокруг тебя, постарайся остановить поток мыслительного мусора в своей голове, и ты сможешь увидеть замысел Бога, который лежит за всеми вещами, — говорят мистики. Но в отличие от тех аналогий, что мы привели, для этой традиции особенно важно то, что наступает вслед за этим опытом. Каким тебе открывается мир, на который ты смотришь прямо, без своих готовых моделей? Человек обретает равно заинтересованный, неутилитарный взгляд на все мироздание. Он учится изумляться — и тому, что восхищает его красотой, и тому, что остается странным и непонятным. Собственно, изумление и останавливает поток тревожащих, мешающих смотреть ясно мыслей. И изумления, как и любви, невозможно достичь через напряжение — по крайней мере, по мнению Исаака Сирина.

Ф и л и п п: Мне это очень близко. Немного в другом смысле о важности изумления я однажды даже высказался на обложке журнала «Большой город». Я был его

главным редактором, и в 2011 году мы сделали номер, на котором написали: «Удивляйтесь, когда вас унижают, отправьте обоих в отставку, будьте здоровы». Мне и сейчас кажется, что удивление — это начало сопротивления. Но возвращаюсь к мистикам! Изумление останавливает поток тревожащих мыслей. Звучит очень здорово, но как именно достичь этого состояния? Мистики описывают какие-то способы?

Максим: Иосиф Хаззайа говорил, что этот тип созерцания достигается через либидо.

Филипп: Что?! При чем здесь либидо?

Максим: Конечно, он не использует современное психоаналитическое понятие, он называет это словом *регфа* (*regtā*), которое означает «похоть», «вожделение». Мистики следовали античному делению души на три части: вожделевательная, яростная и интеллектуальная. И вот на первом этапе созерцания, когда ты останавливаешь поток сознания, начинаешь влюбляться в этот мир как в дар Бога. И эта любовь приводит тебя в такой восторг, что ты начинаешь прозревать божественный замысел. Поэтому сирийские мистики связывали созерцание творения с вожделевательной частью души.

Филипп: Получается, что любовь и восторг приводят к прозреванию, а прозрение рано или поздно приведет к искренней любви — уже ко всем ближним.

Максим: Пожалуй. Но движение происходит и в другом смысле: испытай радость открытого взгляда²⁰, чутко реагируешь на помехи. Испытай радость созерцания, боишься засыпать глаза пылью²¹. Про эту чувствитель-

ность писал и Бехишо Камульский²², говоря, что у человека, научившегося всматриваться и изумляться, спадает с сердца пелена страстей²³. Взгляд на мир становится твоим измерителем — вместо и лучше книг, предписывающих, как поступать (в разных христианских традициях много писали о том, какие бывают страсти, как они классифицируются и так далее). Человек не хочет нарушать той радости присутствия, которая ему открывается. Вспоминаются слова маленькой девочки, которые как-то привел философ Григорий Померанц: *«Мама, не говори громко, от этого засыхают деревья»*²⁴.

Ф и л и п п: У Айзенберга есть похожее:

I

Человек, пройдя нежилой массив,
замечает, что лес красив,
что по небу ходит осенний дым,
остающийся золотым.

Помелькав задумчивым грибником,
он в сырую упал траву
и с подмятым спорит воротником,
обращается к рукаву.

II

Человек куда-то в лесу прилег,
обратился в слух, превратился в куст.
На нем пристроился мотылек.
За ним сырой осторожный хруст.

Человеку снится, что он живет
как разумный камень на дне морском,
под зеленой толщей великих вод
бесконечный путь проходя ползком.